

УДК 94(37).07

К ВОПРОСУ О БОЕВОМ ПРИМЕНЕНИИ ШЛЕМОВ С МАСКАМИ В РИМСКОЙ АРМИИ

© 2013 г.

А.Е. Негин,¹ А.А. Кириченко²

¹Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

²Эмори университет, Атланта, США

aenegin@mail.ru

Поступила в редакцию 11.09.2013

Рассматривается возможность применения в бою римских шлемов с масками, которые определяются большинством исследователей как парадные или предназначенные для использования в ходе командных кавалерийских состязаний (*hippika gymnasia*). На основе иконографических источников и данных экспериментальной археологии делается вывод о возможности использования в бою шлемов с масками, по крайней мере изготовленных в I в. н.э.

Ключевые слова: римская армия, парадное вооружение, шлемы с антропоморфными забралами.

Среди находок древнеримского вооружения большую группу составляют встречающиеся археологам шлемы с антропоморфными масками. Споры об их назначении ведутся уже давно. Эту дискуссию открыл еще родоначальник римской военной археологии Л. Линденшмит, считавший их боевыми [1, S. 1–10]. Противоположной точки зрения придерживался его оппонент в этом вопросе О. Бенндорф, который приписывал их к части погребального инвентаря [2]. По его мнению, маски могли быть погребальными, так как некоторые из них были найдены в могилах. Вследствие этого исследователь провел аналогию с другими масками, погребальное предназначение которых не вызывает сомнений. Тем не менее большая часть найденных на сегодняшний момент римских шлемов с масками никоим образом не связана с погребениями. Их находят в контексте votивных приношений (зарытыми в землю или в недрах вод), а также на территории военных лагерей легионов и вспомогательных войск¹. В этом случае об их погребальном назначении говорить не приходится. Следовательно, каково же было их предназначение?

Шлемы с масками применялись и в другие периоды. Известны они на средневековом Дальнем Востоке [3, с. 60–63; 4, с. 89–92], в степных погребениях средневековых кочевников, а также на территории древнерусских княжеств, сопредельных территорий и на Ближнем Востоке [5, р. 20–31; 6; 7, с. 227–232; 8, с. 99; 9, с. 121–125; 10, с. 79–80; 11, р. 100–101]. Возможность боевого использования средневековых личин не вызывает никаких сомнений практически ни у одного из оружейников. Толь-

ко Н.В. Пятышева, перу которой принадлежат несколько исследований о масках-личинах, делала попытки опровергнуть факт боевого применения масок, указывая на травмоопасность, ухудшение обзора и затруднение дыхания при ношении маски. По мнению исследовательницы, назначение масок могло быть только культовое (обрядовое) [6, с. 31; 7, с. 227–232]². Вместе с тем следует отметить, что некоторые из средневековых масок найдены в горелых слоях [13, с. 135–137], на местах монгольских погромов, и имеют на себе явные следы от ударов, свидетельствующих о том, что это именно забрала боевых шлемов. Имеются упоминания о боевом применении личин и в письменных источниках средневековья [14, с. 436]. При рассмотрении римского материала таких находок, однозначно свидетельствующих о боевом применении масок, нет. Молчат и письменные источники. В отличие от шлемов с масками парфянских и сассанидских катафрактов, которые упоминаются Аммианом Марцеллином (*Amm. Marc. XXV. 1. 12*) и Юлианом Отступником (*Orat. 1. 37C–38A*) в контексте боевых действий, римские шлемы с масками упоминаются теми же авторами только в описаниях военных парадов³, что позволяет интерпретировать шлемы с масками как часть парадного или спортивного (турнирного) снаряжения [15, р. 107–135]. Действительно, по прочтении «Тактики» Арриана создается впечатление, что шлемы с масками были предназначены исключительно для использования на кавалерийских турнирах, поскольку Арриан не упоминает ни культового, ни символического значения, но определенно ограничивает их от военных шлемов (*Arr. Tact. 34.3*). На-

Рис. 1. Надгробие сигнифера Квинта Лукция Фавста из XV Первородной Фортуны (Primigenia) легиона. За плечом воина виден шлем, по своему виду напоминающий шлемы с масками типа Рибчестер. Вторая половина I в. н.э. Майнц, Краеведческий музей (рисунок А.Е. Негина)

ходки реальных образцов шлемов с масками в погребениях у Телль Оум Хаурана [16, p. 163–188] и в Айн Гримиди [17, p. 90, pl. XIV, 1–2], где наряду с ними присутствовали и обычные боевые шлемы, также позволяют говорить об их церемониальном или же наградном характере, ведь эти богато украшенные шлемы и маски могли быть составной частью *dona militaria*⁴.

Изобразительные источники в основном показывают шлемы с масками в составе трофейного оружия⁵. Это и неудивительно, так как вследствие утраты окраски на многих римских рельефах стало невозможно отличить маски,

которые изготавливались крайне реалистичными, от лиц воинов. Однако есть изображения, на которых определенно показаны носимые воинами шлемы с масками. Так, на надгробии сигнифера Квинта Лукция Фавста (рис. 1) виден закинутый на левое плечо шлем с маской, покрытый шкурой [1, S. 2].

Можно предположить, что воин показан не в парадной экипировке, а в самой обычной, пригодной для боевых условий (рис. 2). На другом надгробии кавалерист Секст Валерий Гениалис в шлеме типа Рибчестер изображен повергающим врага (рис. 3) [15, p. 105, pl. 300]. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с иконографическим каноном изображения славных боевых подвигов покойного, но странным здесь кажется то, что парадно-спортивный шлем изображен надетым на голову кавалериста, а не отдельно, как, например, на вышеупомянутой стеле Квинта Лукция Фавста, или же на тех рельефах, где парадное и наградное снаряжение показано вне комплекса одетой на воина экипировки⁶. Кроме того, конь Секста Валерия Гениалиса изображен без налобника, который, исходя из описания Арриана, был непременным атрибутом конского снаряжения для кавалерийских турниров (Агг. Такт. 34.3). Следовательно, логично предположить, что на надгробии показано отнюдь не специфическое вооружение для *hippika gymnasia*. Несмотря на «иконографический канон», для которого изображения шлемов с масками нетипичны, на надгробии мы видим все-таки шлем типа Рибчестер. Если бы боевое применение такого шлема полностью исключалось, то вряд ли в нашем распоряжении имелось бы подобное изображение. Такие индивидуальные случаи изображения шлемов с масками в батальных сценах подтверждают возможность их использования в бою.

Говоря о возможном использовании церемониальных масок в боевых условиях, следует отметить, что одна из них найдена непосредственно на поле боя у Калькризе (рис. 4) [22, S. 71–92]. С другой стороны, невозможно доказать факт ношения маски непосредственно в момент схватки, и вполне допустимо, что маска находилась в разграбленном обозе. Наиболее впечатляющим подтверждением возможности использования масок в бою являются характерные повреждения, имеющиеся на некоторых из них. На маске из Майнца слева имеется прорубленный след от удара оружием [23, S. 64, O 9, Taf. 18, 3]. Подобным образом повреждена также и маска из Торсберга [23, S. 73, O 57, Taf. 25, 4]. На обоих этих экземплярах мы имеем дело именно с рублеными отметинами, что исключает возможность их повреждения на кавалерийском

Рис. 2. Экспериментальная реконструкция Александра Кириченко облика римского сигнифера по надгробию Квинта Лукция Фавста (фото клуба реконструкторов Legio XI CPF, Атланта, США)

Рис. 3. Надгробие Секста Валерия Гениалиса из Ala I Thracum. Вторая половина I в. н.э. Киренчестер. Музей Кориниум (рисунок А.Е. Негина)

турнире, где, как известно из сообщения Арриана, из оружия применялись только дротики с затупленными наконечниками (Arr. Tact. 34.8).

Вопрос возможности применения масок в бою рассматривается современными исследователями также и с помощью экспериментальной археологии. Такой подход позволяет проанализировать возражения против применения масок в боевых условиях опытным путем. Известно, что маски плотно прилепали к лицу и имели небольшие вырезы для глаз. Исходя из этого утверждается, что маски значительно ограничивали как обзор, так и воздухообмен – воину в маске было бы очень жарко и плохо видно противника, что, несомненно, мешало бы в бою.

Не подлежит сомнению, что на значительной части найденных римских масок материал слишком тонок, чтобы выдерживать воздействие оружия. Однако данный факт относится главным образом к образцам II–III вв. Шлемы с масками I в., как правило, изготовлены из толстого листового железа и были вполне пригодны к боевому применению. Так, железная маска из воинского погребения у Шаснара [24, р. 235–258; 25, р. 26] имеет толщину 4 мм, а маска из Майнца – 2–3 мм [26, S. 28], причем

нужно учитывать, что первоначально она была обтянута еще и бронзовым листом [27, S. 51]. Таким образом толщина металла масок I в. н.э. сопоставима с толщиной металла шлемов того же периода, а зачастую и превосходит ее [28, S. 124–127]. Поскольку защитные качества таких шлемов в боевых условиях считались достаточными, можно сделать вывод, что защитные характеристики масок полностью отвечали требованиям безопасности. По сравнению с этими экземплярами более поздние кажутся чисто декоративными изделиями; тем не менее, не все из них были непригодны для использования в бою. Тулья шлема и во II–III вв. часто была изготовлена из листового железа толщины, достаточной для погашения силы удара оружия средней тяжести (обычно около 1 мм). Более того, зачастую имелось чеканное декорирование, которое благодаря массе выступающих под разными углами плоскостей еще больше смягчало удары [27, S. 51]. Для сравнения уместно назвать гофрированные или рифленые доспехи XV–XVI вв. Их поверхность в шесть раз прочнее гладкой [29, S. 63]. Бронзовые маски имели толщину от 0,2 до 2 мм [30, S. 9–16]. Толщина предназначенных для использования в

Рис. 4. (Маска (тип Калькризе) из Калькризе, окрестности города Брамше, Оснабрюк, Нижняя Саксония, Германия. Железо с бронзовым бордюром и остатками серебряной оковки, начало I в. н.э. Оснабрюк, Художественно-исторический музей. Находка сделана зимой 1989/90 г. на поле боя, связываемого с событиями 9–14 гг. н.э. (рисунок А.Е. Негина)

Рис. 5. Шлем типа Вайзенау с маской (тип Калькризе). Бронза, середина I в. н.э. Нью-Йорк, Коллекция Леона Леви и Шелби Уайт. Инв. № 686 (рисунок А.Е. Негина)

бою предметов античного вооружения также не превышает 2 мм [27, S.106, Anm. 173], что отчетливо демонстрирует возможность применения шлемов с масками в бою, тем более что эксперименты показали неплохие защитные свойства этих предметов. М. Юнкельманн обстреливал испытуемые модели доспеха стрелами с расстояния в 2 м, бросал копье (*hasta*) с этого же расстояния и наносил удары кавалерийским мечом (*spatha*). Сначала эксперименту подвергся плоский необработанный латунный лист толщиной 0.5 мм – стрела пробила его насквозь и вышла на 35 см. Копье пробило такой же лист и вышло на 12 см, а удар меча образовал вмятину глубиной примерно в 2 см, однако прорубить лист насквозь не удалось. Затем эксперимент был продолжен с латунным листом толщиной в 1 мм. Стрела проникала на глубину 2 см, копье на глубину 3 см, а удар меча образовывал вмятину глубиной примерно 0.7 см. Но защитные свойства шлемов и масок были еще более надежны, так как в эксперименте воздействие производилось под прямым углом на плоскую поверхность, в то время как наносимый по изогнутым поверхностям шлема удар, как правило, соскальзывал. Кроме того, не следует забывать, что в некоторых местах декорированных шлемов и других частей парадного вооружения толщина фактически была большей из-за

сгустков материала, образовавшихся при обработке изделия, а применение кожи, войлока в качестве подкладки увеличивало стойкость при ударах. При дальнейших экспериментах, проводившихся с выгнутой и рельефной чеканной пластинкой, имитирующей тулью шлема в виде кудрявой прически, толщиной 1.2 мм, выяснилось, что основная часть ударов соскальзывала и оставляла лишь царапины. Прямые попадания стрел пробивали лист на глубину всего лишь 1.5 см. При бросках копья несколько раз отскакивало, хотя при удачном прямом попадании наконечник пробивал пластину на 4 мм. Удары меча образовывали вмятины максимально глубиной до 2 мм [27, S. 51–52]. К тому же, как показали микроскопические исследования образца металла оригинала одной из железных масок типа Неймеген, листовой металл, используемый для масок такого типа, мог быть многослойным, что улучшало его твердость и прочность [31, S. 61–67]⁷. В дополнение к этому, группа ученых из Голландии и Германии провела ряд экспериментов с использованием реконструкции римского скорпиона первого века, детали которого были обнаружены в Ксантен-Вардте [32, S. 68–76]. Из скорпиона, установленного на расстоянии семи метров от цели, был произведен обстрел трех металлических пластин: 1) из низкоуглеродистого железного листа толщиной 1.5 мм,

Рис. 6. Реконструкция шлема с маской по оригиналу из коллекции Леона Леви и Шелби Уайт (фото Paul Zoeller Photography)

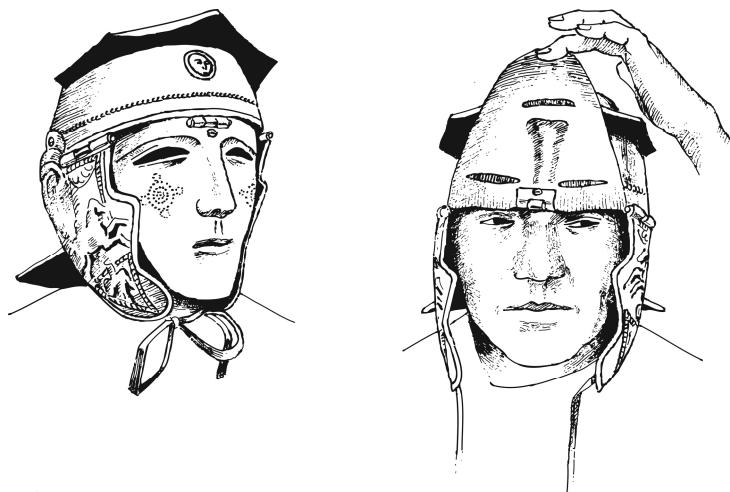

Рис. 7. Реконструкция шлема с маской тип Калькризе (рисунок А.Е. Негина)

2) из восьмислойного железного листа толщиной 2.5 мм, произведенного по римской технологии методом кузнечной сварки и последующей холоднойковки и 3) из бронзового листа (сплав 94% меди и 6% олова) толщиной 2.5 мм⁸. Ни одна из пластин не была пробита насквозь. Выстрел по первой пластине оставил вмятину глубиной 6 мм⁹. Выстрелы по второй и третьей пластинкам не привели к каким-либо повреждениям за исключением легких царапин на поверхности металла.

Получается, что шлемы и маски этой толщины неплохо защищали от большей части античного оружия. Серьезная опасность была только в случае прямого попадания стрел. Однако в этом случае они пробивали и кольчуги и чешуйчатые панцири, поэтому абсолютной защиты не гарантировал ни один вид доспеха.

Таким образом, защитные свойства римских масок были вполне достаточными, поэтому выгода применения их в бою не подлежит сомнению. Остается рассмотреть вопрос функциональности маски в отношении удобства ее ношения и в предоставлении воину адекватной возможности ориентироваться в боевых условиях. Ниже представлены наблюдения, сделанные исходя из опыта ношения масок разных типов в различных условиях.

Реконструкция маски типа Калькризе была испытана при ношении в пешем строю¹⁰. Данная маска (рис. 5–6) является экспериментальной реконструкцией оригинала первой половины I в. н.э.¹¹ Маски-забрала такого типа крепились к центру нижней кромки лобной части купола шлема с помощью шарнирного соединения. Дополнительно они прочно фиксировались на лице нащечниками шлема, которые, в свою

очередь, связывались кожаными шнурками для закрепления шлема на голове воина¹². Оригиналы масок данного типа не имели приспособлений для дополнительных креплений. Как показал опыт ношения реконструкции маски, они и не требуются. Следует заметить, что такой метод крепления маски к обычному пехотному шлему позволяет в случае необходимости разобрать соединение без особых усилий и носить шлем без маски (рис. 7).

Реконструкция маски и шлема типа Неймеген была испытана при езде верхом (рис. 8)¹³. Данная реконструкция сделана по железному оригиналу середины I века н.э.¹⁴ Маска этого типа также крепится к центру нижней кромки лобной части купола шлема с помощью шарнирного соединения. Кроме того, маска фиксируется кожаным ремнем, проходящим от одной щеки маски к другой над нащечником шлема и крепящимся по бокам маски к заклепкам с широкими шляпками. Маска данного типа закрывает не только переднюю часть лица, но и скулы и уши наездника. Иными словами, такая маска образует единое целое со шлемом, полностью защищая голову воина. Конструкция и способ крепления таковы, что такой шлем, в отличие от модификации, используемой с масками типа Калькризе, не предназначен для ношения отдельно от маски.

Ношение любой из масок причиняет определенные неудобства. Как показывает опыт, приток воздуха через отверстия в носу и во рту маски достаточен для нормального дыхания. В ходе экспериментальных интенсивных двухчасовых скачек, специально проведенных М. Юнкельманном, выяснилось, что приток воздуха достаточен даже при сильном напряжении, но в

Рис. 8. Член клуба реконструкторов Ala I Batavorum, Голландия, в реконструкции маски типа Неймеген (фото Phalera Filmworks, Нидерланды)

жарких погодных условиях выделяемый пот, не имея возможности испариться, скапливается на внутренней поверхности маски и на лице, обильно стекая по лицу на подбородок и вызывая дискомфорт. Тем не менее в силу привычки носящий маску вскорости перестает обращать внимание на такое неудобство. При этом следует отметить, что на некоторых масках I в. н.э. присутствуют дополнительные вентиляционные отверстия¹⁵.

Для применения маски в боевых условиях более значимы определенные ограничения видимости и слышимости. Так, маски полностью блокируют периферический обзор¹⁶. С другой стороны, вследствие того, что маска фиксируется в непосредственной близости от лица, прорези для глаз достаточны для обеспечения приемлемого фронтального обзора. Маски типа Неймеген закрывали ушные раковины и, таким образом, ограничивали слух¹⁷. Кроме того, дыхание наездника и свист ветра, проникающего через отверстия для глаз и рта при быстрой езде, являются дополнительными факторами, негативно влияющими на слышимость. Тем не менее в силу того, что ушные раковины масок этого типа имеют отверстия диаметром 4 мм¹⁸, наездник, носящий такую маску, слышит вполне приемлемо.

Тем, кто оспаривает возможность применения масок на шлемах в боевых условиях, ссылаясь на значительные сопутствующие неудобства при этом, следует напомнить примеры из других эпох. Когда речь заходила о дополни-

тельной защите, которая спасала жизнь воина, тогда уже никому и в голову не приходило отринуть какие-либо средства индивидуальной защиты из-за дискомфорта, связанного с их ношением. Здесь можно напомнить, что в Первую мировую войну были изобретены противогазы, использовавшиеся в кавалерийских частях, причем разработаны они были и для лошадей [36, р. 91]. Возможно, сравнение может показаться некорректным, поскольку речь идет о строгой необходимости ношения противогазов в условиях химической войны, ведь от этого зависела жизнь солдата, а в римской армии маски на шлемах не играли такой важной защитной функции; т.е. в большинстве случаев от защиты лица маской-забралом жизнь воина не зависела. В то же время известно, что любые ранения лица всегда воспринимаются более болезненно, чем другие раны, и могут привести раненого в замешательство и повлечь выбывание его из строя. Стоит отметить, что воин как раз менее опасался за защищенные доспехом части тела, нежели за незащищенные. Поэтому в некоторых случаях действительно был резон защищать лицо личиной-забралом, несмотря на очевидные ограничения в обзоре и слышимости. Не всем воинам было одинаково необходимо обзирать все пространство поля боя, чтобы видеть местонахождение нападающего на них противника. Совершенно очевидно, что некоторым воинам зачастую не приходилось орудовать мечом, и они были защищены стараниями окружающих их соратников. К этим воинам относились зна-

меносцы. Их непосредственной задачей было отслеживать передачу приказов и команд от центуриона или декуриона. При этом достаточно было все время следить лишь за местонахождением командира, отдающего приказы. А это было возможно даже при довольно значительном ограничении обзора. С другой стороны, постоянно занятые руки знаменосца могли явиться причиной несвоевременной защитной реакции в случае неожиданных попаданий метательных снарядов, от которых было сложно уклониться, и дополнительная защита лица была совсем нелишней. Кроме того, использование масок в бою могло являться устрашающим фактором для противника¹⁹. По сути, кавалерист всегда представлялся пехотинцу более сильным противником, опасным и малоуязвимым из-за своей скорости. Чем более он был защищен доспехом, тем менее уязвимым и, вследствие этого, более страшным он казался. Неслучайно Аммиан Марцеллин сравнивает с ног до головы закованного в доспех всадника-клибанария с изваянием знаменитого греческого скульптора Праксителя, из-за чего такой тяжелооруженный воин казался статуей, а не живым человеком (Amm. XVI. 10.8).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что неудобства ношения маски не являются критическими и вполне допускают возможность использования масок в боевых условиях. Следует отметить, что римские маски предоставляли лучший обзор, чем некоторые из гладиаторских или средневековых шлемов²⁰. То есть даже серьезные ограничения зрения не означали невозможности использования личин-забрал в битве. Главным же аргументом в пользу применения масок в сражении бесспорно являются их защитные качества. Открытое лицо воина весьма уязвимо, и даже легкие ранения лица могли вывести воина из строя вследствие болевого шока или кровотечения. Большим преимуществом была практически полная защита лица. Таким образом, боевое применение шлемов с личинами-забралами (особенно тех, которые относятся к I в. н.э.) в числе прочего защитного снаряжения и, главным образом, теми воинами, кому было затруднительно или невозможно использовать щит для защиты лица — кавалеристами или сигниферами, — вполне вероятно.

Примечания

1. Этот факт был отмечен еще оппонентом О. Бенндорфа [1, S. 5].

2. Критику см.: [12, с. 214–217].

3. О парфянских шлемах с масками: Helioid. Aethiop. IX, 15. О римских шлемах с масками: Amm. Marc. XVI. 10. 8.

4. К таковым могли относиться шлемы с изображением на тулье различных наградных венков. См. подробнее: [18, р. 73–74].

5. Шлемы с масками, вероятно, показаны на триумфальной арке в Оранже. Однако возможна и иная интерпретация этого изображения: горы захваченного оружия были украшены более зловещими трофеями в виде отрезанных вражеских голов, что было в обычае у кельтов, но могло практиковаться и римскими ауксиллариями. Шлемы с антропоморфными забралами-личинами изображены среди прочего оружия на рельефах I в. н.э. из Терамо, остатках опорной колонны из Весунны (ныне в музее Весунна в Перигё), а также на более поздних памятниках II–V вв. — саркофаге Портоначчо (ок. 185 г.) и, судя по рисункам XVI в., на несохранившейся колонне императора Аркадия. Оранже: [19, р. 233, fig. 315 m–p]; Терамо: [20, с. 115, рис. 135]; Весунна: [15, р. 136. pl. 411]; Портоначчо: [15, р. 111, fig. 136]; колонна Аркадия: [21, р. 16–17].

6. Например, надгробия кавалеристов Тиберия Клавдия Максима и Гая Мария. См.: [18, pl. 8a, 10a].

7. Железный лист был сложен трижды, что образовало 8 слоев. Слои металла были соединены кузнечной сваркой, затем полученный многослойный лист металла был доведен холодной ковкой до желаемой толщины.

8. Обстрел производился стрелами длиной 34 см с железными наконечниками толщиной 1.5 см и весом 35 г. См.: [32, S.72].

9. Как отмечают экспериментаторы, такой результат не привел бы к серьезному ранению, но, тем не менее, мог вывести солдата из строя на какое-то время из-за болевого шока [32, S.74].

10. Заключение, выведенное из личного опыта ношения шлема с маской в роли римского сигнифера, предоставил Александр Кириченко, член клуба реконструкторов Legio XI CPF, Атланта, США.

11. Маска была найдена вместе со шлемом в захоронении на территории современной Болгарии. Маска относится к типу Калькризе, шлем — к типу Вайзенау. И маска, и шлем выкованы из сплава меди (бронза или латунь). Толщина металла маски и нащечников — ок. 1 мм, толщина металла шлема — ок. 2 мм. В настоящее время шлем с маской находятся в коллекции Леона Леви и Шелби Уайт в Метрополитанском музее искусств Нью-Йорка, инв. No. 686. См.: [27, S. 54–55, O 88; 33, S. 19–21].

12. Такой метод фиксирования типичен для большинства римских шлемов.

13. Опыт ношения маски кавалериста поделится в личной переписке Юрьен Драаисма, член клуба реконструкторов Ala I Batavorum, Голландия.

14. Оригинал маски и шлема был найден на плато Копс в Неймегене, на месте расположения форта вспомогательной кавалерии. Маска была покрыта тонким серебряным листом, шлем был украшен париком. В настоящее время шлем с маской находятся в коллекции Музея древностей Капеллы дворца Валкхоф, Неймеген, инв. No. KH.401/199. См.: [27, S. 29, O 85; 34, S. 21–22].

15. Фигурно вырезанные вентиляционные отверстия под глазами на щеках маски имеются у

шлема из Хомса: [35, p. 210–227, pl. XXI]. Имитация таких же отверстий имеется и на одной из масок, найденных на плато Копс в Неймегене: [34, S. 33].

16. М. Юнкельманн, сравнивая римские маски с средневековыми топфельмами, отмечает большое преимущество первых по части видимости, так как глазные прорезы у римских шлемов с масками, в отличие от средневековых топфельмов, близко расположены от глаз [27, S. 53].

17. Маски типа Калькризе закрывали лицо лишь спереди. Однако, как видно из примера шлема с маской из коллекции Леона Леви и Шелби Уайт (см. примечание 11), уши воина закрывали нащечники шлема.

18. Отверстия на имитациях ушных раковин, которые способствовали увеличению слышимости, присутствуют на масках из Неймегена и Райнхайма [34, S. 33; 20, с. 104].

19. Л. Линденшмит считал маски, изображающие женские лица (порой даже искаженные гримасой или с неизменными атрибутами Горгоны Медузы в виде змей в волосах), боевыми со специально пугающими целями [1, S. 9].

20. М. Юнкельманн также указывает на различия между масками раннего имперского периода и масками II–III вв. н. э. — первые имели более широкие отверстия для глаз и в области рта и ноздрей, что, по его мнению, является дополнительным аргументом в пользу использования таких масок в бою [27, S. 56; 37, p. 40–42].

Список литературы

- Lindenschmit L. Masken und Visierhelme aus Erz und Eisen // *Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit*, Bd. III, 1881, Beilage zu Heft 11. S. 1–10.
- Benndorf O. Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Wien: Gerold, 1878. 77 S.
- Шавкунов В.Э. Чжурчжэньские маски // *Известия СО АН СССР*. 1984. № 3. Сер. обществ. наук. Вып. 1. С. 60–63.
- Хорев В.А., Гладченков А.А., Галактионов О.С. О функциональном назначении чжурчжэньских масок-«личин» // *Россия и АТР*. № 1. Владивосток, 2006. С. 89–92.
- Robinson H.R. *Oriental armour*. L.: H. Jenkins, 1967. 257 p.
- Пятышева Н.В. Железная маска из Херсонеса: (К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками). М.: [б. и.], 1964. 64 с.
- Пятышева Н.В. Восточные шлемы с масками в Оружейной палате Московского Кремля // *Советская археология*. 1968. № 3. С. 227–232.
- Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с.
- Измаилов И.Л., Марков В.Н. Железная маска-забрало с территории Волжской Булгарии // *История и культура Евразии по археологическим данным*. Москва, 1980. С. 121–125.
- Горелик М.В. О средневековых восточных шлемах с масками и одной центральноазиатской изобразительной традиции // *Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии*. Вып. 7. М., 1984. С. 79–80.
- Alexander D. Les masques de guerre // *Chevaux et cavaliers arabes dans les d'Orient et d'Occident*. P., 2002. P. 100–101.
- Кирпичников А.Н. Рецензия на: Пятышева Н.В. Железная маска из Херсонеса. М., 1964 // *Советская археология*. 1966. № 4. С. 214–217.
- Пятышева Н.В. Железная маска из Серенска в коллекции ГИМ // *История и культура Евразии по археологическим данным*. М., 1980. С. 134–139.
- Дмитриев Л.А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // *Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла*. М. – Л.: Наука, 1966. С. 385–439.
- Robinson H.R. *The Armour of Imperial Rome*. L.: Arms and Armour Press, 1975. 200 p.
- Abdul-Hak S. Rapport préliminaire sur des objets provenant de la nécropole romaine située a proximité de Nawa (Hauran) // *Les Annales Archéologiques de Syrie*, 1954–1955. Vol. 4–5. P. 163–188.
- Doublet G. *Musée d'Alger*. P.: Ernest Leroux, 1890. 145 p.
- Maxfield V. *The Military Decorations of the Roman Army*. L.: Batsford, 1981. 304 p.
- D' Amato R., Sumner G. *Arms and Armour of the Imperial Roman Soldier: From Marius to Commodus, 112 BC–AD 192*. L.: Frontline books, 2009. 290 p.
- Негин А.Е. Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб., 2010. 232 с.
- Nicolle D. *Medieval Warfare Source Book. Vol. I: Warfare in Western Christendom*. L.: Brockhampton Press, 1996. 320 p.
- Hanel N., Wilbers-Rost S., Willer F. Die Helm-maske von Kalkriese // *Bonner Jahrbücher*. 2004. Bd. 204. S. 71–92.
- Garbsch J. *Römische Paraderüstungen*. München: Beck, 1978. 148 S.
- Déchelette J. La sépulture de Chassenard et les coins monétaires de Paray-le-Monial // *Revue Archéologique 4ème serie*. 1903. T. I. P. 235–258.
- Beck F., Chew H. Masques de fer. Un officier romain du temps de Caligula. Musée des Antiquités Nationales, St. Germain en Laye, Paris, 6 nov. 1991, 4 février 1992. P.: Editions de la Réunion des musées nationaux, 1991. 175 p.
- Klumbach H. Römische Gesichtshelme aus Mainz // *Mainzer Zeitschrift*. 1949/50. Bd. 44/45. S. 28–33.
- Junkelmann M. *Reiter wie Statuen aus Erz*. Mainz am Rhein: Von Zabern, 1996. 128 S.
- Junkelmann M. *Römische Helme*. Mainz am Rhein: Von Zabern, 2000. 208 S.
- Kern von G. Die Stilentwicklung des Riefel-harnisches. München, 1982. 91 S.
- Kellner H.J. Der römische Verwahrfund von Ein- ing // *Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte* 29. München: Beck, 1978. 64 S.
- Geiß E., Willer F. Experimentele archeologie: smeedexperimenten met betrekking tot de Romeinse gezichtsmaskers uit Nijmegen // *Achter het Zilveren Masker: Nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme)* / Hrsg. R. Meijers, F. Willer. Nijmegen, 2007. S. 61–67.

32. Meijers R., Schalles H.-J., Willer F. Schietproeven met een reconstructie van een Romeins geschut op specifieke Metaalplaten (Schusseexperimente mit einer rekonstruierten römischen Torsionswaffe auf definierte Metallbleche) // Achter het Zilveren Masker: Nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme) / Hrsg. R. Meijers, F. Willer. Nijmegen, 2007. S. 68–76.

33. Born H., Junkelmann M. Römische Kampf- und Turnierrüstungen. Mainz: Von Zabern, 1997. 222 S.

34. Meijers R., Willer F. Catalogus van de onderzochte ijzeren gezichtshelmen uit Nijmegen (Katalog der untersuchten eisernen Gesichtshelme aus Nijmegen) // Achter het Zilveren Masker: Nieuw onderzoek naar de

productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme) / Hrsg. R. Meijers, F. Willer. Nijmegen, 2007. S. 21–30.

35. Seyrig H. Antiquités de la nécropole d'Emèse // Syria. 1952. Vol. 29. No. 3/4. P. 204–250.

36. Joy R. J. T. Historical Aspects of Medical Defense Against Chemical Warfare // Medical Aspects of Chemical and Biological Warfare / Ed. Frederick R. Sidell. Washington, 1997. P. 111–128.

37. Junkelmann M. Familia Gladiatoria: The Heroes of the Amphitheatre // Gladiators and Caesars / Ed. E. Köhne, C. Ewigleben. Berkeley: University of California Press., 2000. P. 31–74.

ON COMBAT USE OF FACE-MASK HELMETS IN THE ROMAN ARMY

A.E. Negin, A.A. Kyrychenko

The authors consider the possibility of using Roman face-mask helmets in combat. Most researchers believe such helmets were ceremonial or were intended for use in the cavalry sports (hippika gymnasia). Based on iconographic sources and experimental archaeology, the authors conclude that Roman face-mask helmets, at least those made in the 1st century AD, could be worn in battle.

Keywords: Roman army, ceremonial armament, helmets with anthropomorphic visors.